ОМСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК. СЕРИЯ «ОБЩЕСТВО. ИСТОРИЯ. СОВРЕМЕННОСТЬ» ТОМ 10 №2 2025

УДК 1(091)
DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-88-93
EDN: ZENHVI

В. В. ОГЛЕЗНЕВ

Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
г. Томск

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ПРАГМАТИЗМ УИЛЬЯМА НИЛА КАК АЛЬТЕРНАТИВА СТРОГОМУ ВЕРИФИКАЦИОНИЗМУ

В статье анализируется эпистемологический прагматизм Уильяма Нила как альтернатива строгому верификационизму, обсуждаемому на симпозиуме Аристотелевского общества 1945 года. В центре внимания — его критика традиционного верификационного критерия Венского кружка и обоснование знания как гибкого, а не строго эмпирического процесса. Нил возражает против взгляда, что осмысленность высказываний определяется их верифицируемостью, и показывает, что познание возможно без явной проверки гипотез. В отличие от Фридриха Вайсмана, который пытался модернизировать верификационизм, Нил указывает на его ограничения. Он также оспаривает позицию Дональда Маккиннона, который связывал верификацию с априорным знанием и универсальной субъектно-предикатной структурой языка. Исследование позиций оппонентов показывает, что симпозиум 1945 года стал важным рубежом в аналитической философии, предвосхитившим современный анализ осмысленности высказываний, обоснования знаний и границ эмпирической проверки.

Ключевые слова: верификация, критерии осмысленности, эмпирические высказывания, обоснование знания, восприятие, структура высказывания.

Введение. В 1945 году одно из заседаний Аристотелевского общества неожиданным образом оказалось посвящено обсуждению проблемы верифицируемости высказываний [1]. Казалось бы, данная тема должна была уже утратить свою актуальность для послевоенной британской философии. Во-первых, Венский кружок и развиваемый им принцип верификации к тому времени растеряли прежнее влияние: первый прекратил существовать как значимое философское общество, а второй перестал быть значимым утверждением в аналитической философии. На это повлияли как объективные факторы (убийство М. Шлика, Вторая мировая война и вынужденная эмиграция ведущих представителей Венского кружка), так и субъективные (взгляды Л. Витгенштейна на логический позитивизм и принцип верификации претерпели значительные изменения, то же самое можно сказать и про Ф. Вайсмана, главного проводника его идей в Венском кружке; изменилось отношение к верификации и у А. Дж. Айера, который в 1930-е годы перенес идеи строгого логического анализа на английскую почву [2, с. 147—148]). Однако мы оставим все эти аспекты за рамками анализа. Во-вторых, принципиально изменилась сама философия (включая британскую), для которой проблемы верификации перестали быть центром философского внимания [3, p. 55]. Тем не менее именно благодаря симпозиуму 1945 года, участники которого переосмыслили тему верификации и придали ей новый импульс, она вновь приобрела значимость и вернулась в философскую повестку.

Отчасти это удалось благодаря звездному составу участников симпозиума, каждый из которых к этому времени уже обладал высокой академической репутацией и авторитетом: ими были шотландский философ и теолог Дональд Маккиннон, австрийский логик и математик Фридрих Вайсман и английский философ науки Уильям Нил. Кроме того, участники дискуссии принадлежали к разным научным течения и разделяли практически противоположные взгляды. Отчасти благодаря вопросам, поднятым участниками симпозиума, которые сохранили свою важность и сегодня, особенно для

эпистемологии, философии языка и всей аналитической философии в целом. Значимость и важность этих вопросов можно продемонстрировать на примерах дальнейшего развития трех ключевых философских проблем, затронутых в дискуссии.

Во-первых, это *критерии осмысленности и проблема демаркации*. Одной из центральных тем симпозиума был вопрос о том, какие высказывания можно считать осмысленными. Является ли верифицируемость строгим критерием осмысленности? Если да, то почему этот принцип исключает осмысленные, но неверифицируемые высказывания, вроде 'Я голоден', но при этом допускает абсурдные высказывания, такие как 'Абсолют ленив'? Эти вопросы остаются актуальными. Например, в философии науки продолжаются дебаты о критериях демаркации между наукой и ненаукой, а в философии религии — о том, можно ли считать религиозные высказывания осмысленными. Во-вторых, это *проблема обоснования знаний.* Хотя после 1945 года дискуссия о верификации приобрела новые формы, значительно отличающиеся от классического верификационизма [см. подробнее: 3], проблема обоснования знаний остается центральной для современной эпистемологии. Вопрос о том, каким образом эмпирическое знание может быть оправдано, продолжает обсуждаться в постпозитивизме, социальной эпистемологии и в когнитивных науках. В-третьих, это *роль языка в познании.* Может ли верификация определить значение высказывания? Можно ли редуцировать значение высказываний до методов их проверки? Как известно, предлагаются разные ответы. Философия языка исследует связь между истиной, значением и контекстом, а когнитивная лингвистика изучает, как язык формирует восприятие мира, развивая идеи о когнитивных структурах знания.

Следует признать, что историко-философское значение симпозиума выходит далеко за рамки конкретных разногласий. Он стал одним из последних крупных обсуждений верифицируемости в ее классическом понимании, предложенном Венским кружком[1]. В последующие десятилетия концепция верификации претерпела радикальные изменения, получив новые трактовки [5, с. 220—221]. Поэтому симпозиум 1945 года можно рассматривать как одну из ключевых дискуссий, в рамках которой вопросы осмысленности, логического анализа и критериев научного знания были подвергнуты всестороннему разбору. В известном смысле он стал рубежом, обозначившим конец эпохи логического позитивизма в его строгом варианте и переход к более гибким интерпретациям верификации в постпозитивизме.

Контекст и предмет дискуссии 1945 года. Симпозиумы Аристотелевского общества, практически с момента его основания в 1880 году, играли ключевую роль в развитии аналитической философии, создавая интеллектуальную среду для обсуждения фундаментальных философских проблем. Именно здесь получали развитие такие темы, как природа ментальных состояний, волевое поведение, существование других сознаний, верифицируемость, восприятие внешнего мира и различие между *Is* и *Ought.* Эти дискуссии не только способствовали развитию философской мысли, но и непосредственно формировали терминологический и аргументационный 'континуитет', повлиявший на современную философию.

Одним из значимых симпозиумов, оказавших влияние на дальнейшее развитие аналитической философии, и стало заседание 14 июля 1945 года, посвященное проблеме верифицируемости. Данная тема была в центре внимания логических позитивистов 1920—1930-х годов, однако к середине 1940-х годов она утратила свой прежний статус. Участники этого симпозиума стремились переосмыслить саму идею верификации, выявить ее ограничения и предложить новую интерпретацию, которая учитывала бы недостатки предыдущих версий и достижения современных подходов.

Каждый из докладчиков предложил свою трактовку проблемы верификации. Маккиннон поставил вопрос о том, можем ли мы вообще сформулировать удовлетворительный принцип верификации, принимая во внимание сложность эпистемологических условий познания [1, p. 101—118]. Вайсман, бывший член Венского кружка, пытался защитить верификационизм, но в обновленной форме, допускающей его модификацию [1, p. 119—150]. Нил, в свою очередь, подверг критике строгий верификационизм, предложив более гибкий подход [1, p. 151—164], который можно охарактеризовать как эпистемологический прагматизм.

Впрочем, значение этого симпозиума заключается не только в самом предмете обсуждения и даже не в аргументах, с помощью которых участники защищали свои позиции. Интересен сам формат дискуссии: это было не просто обсуждение теоретических разногласий внутри эмпиризма, а своеобразная миниатюрная модель конфронтации метафизики и аналитической философии, где первая пыталась пересмотреть границы осмысленности высказываний, а вторая стремилась сохранить методологическую строгость.

Прежде чем перейти к анализу аргументов Нила, полезно кратко рассмотреть критикуемую им позицию Маккиннона — основного докладчика симпозиума. Как сторонник аналитической теологии, Маккиннон, конечно, воспринимал верифицируемость как вызов традиционной метафизике, направленный на выявление бессодержательных утверждений. Однако, по его мнению, само понятие верификации уже не соответствует требованиям современной философии и нуждается в более глубокой философской рефлексии. В вопросах верификации Маккиннон предлагает учитывать, так называемую 'эвиденциалистскую предпосылку' (*evidentialist assumption*), согласно которой «нет ничего сверх содержания высказывания, кроме полного доказательства, оправдывающего его использование» [1, p. 102]. Он связывает этот принцип с известным тезисом Беркли *Esse est percipi*, подчеркивая, что каждое осмысленное утверждение должно иметь эмпирическое подтверждение, иначе оно утрачивает смысл. И верификация — это лишь частный случай более широкой проблемы обоснования (*justification*) знаний. В отличие от строгого верификационизма, который требует сознательной проверки каждого утверждения, процесс познания зачастую происходит спонтанно, без предшествующего сомнения. Наши знания формируются не только в результате проверки гипотез, но и через восприятие, интуицию и интеллектуальную обработку опыта. Отсюда Маккиннон делает вывод, что познание невозможно свести исключительно к строгой верификации, поскольку оно включает более фундаментальные формы организации опыта. Хотя эмпирическое знание и остается важнейшей составляющей, его нельзя понимать только как результат верификации, оно также требует интел-

лектуального структурирования и систематизации восприятия. Эвиденциалистская трактовка верификационизма, предлагаемая Маккинноном, таким образом, основана на идее, что в самом высказывании содержится доказательство или обоснование того, как его следует использовать [6, с. 48—49].

Между верификацией и обоснованием. Нил выступил в роли второго оппонента Маккиннона. Первым с критическими замечаниями выступил Вайсман, которому предстояло защищать верификационизм и отстаивать принцип верификации как ключевой метод познания. И хотя аргументация Вайсмана остается в рамках логического позитивизма, он предлагает его обновленную, смягченную версию. Осознавая уязвимости традиционного понимания принципа верификации, он стремился адаптировать его к новым философским реалиям, сохранив при этом его роль в анализе осмысленности высказываний. Особую роль в его подходе играет идея позднего Витгенштейна, что значение слова определяется его употреблением в языке, и его собственная идея об 'открытой текстуре' эмпирических высказываний, опираясь на которые Вайсман расширяет понимание верификации[2]. Он делает ее более гибкой, допуская, что разные типы высказываний могут проверяться различными способами [8, с. 226]. Однако, несмотря на эти модификации, он продолжает утверждать, что именно верифицируемость остается главным критерием философского анализа.

Нил хотя и придерживается схожих с Вайсманом взглядов, но принципиально расходится с ним в их обосновании. В отличие от Вайсмана, признающего уязвимость верификационизма Венского кружка и предлагающего его умеренную модификацию [7, с. 116—117], Нил подвергает критике саму идею строгой верификации. В частности, он утверждает, что осмысленность высказываний не может зависеть только от возможности их эмпирической проверки. Критерии осмысленности нужно расширить, поскольку многие осмысленные утверждения не поддаются строгой верификации, но все же имеют рациональное обоснование (например, в математике, этике или даже в обычном языке). Однако основное различие между ними заключается в том, что Вайсман пытается спасти верификационизм, адаптировав его к более сложной языковой картине мира [9], тогда как Нил уходит от верификации в сторону обоснования знаний, показывая, что строгий эмпирический критерий неприменим во многих областях [1, p. 154].

Вернемся все же к критике Нила позиции Маккиннона. Основная проблема Маккиннона, по его мнению, состоит в том, что он просто не понимает, что придерживающиеся классического верификационизма философы, конечно же, не воспринимают буквально выражение, что значением высказывания *является* способ его верификации [1, p. 152—153]. Прежде всего потому, что есть много высказываний, которые обладают значением, не будучи верифицированными, например, 'Я голоден'. В этом отношении Нил солидарен с Вайсманом, который рассматривает схожий пример гипотезы [1, p. 138]. Действительно, фраза 'способ верификации', как она используется в обычном языке, может применяться ко многим вещам, не имеющим отношения к значению верифицируемого высказывания. Однако, полагает Нил, «ни одно высказывание о реальном мире не будет осмысленным, если его истинность или ложность не подтверждается эмпирически» [1, p. 153]. Вот почему верификация оказалась тем инструментом, который позволял отделить смысл от бессмыслицы, и тем самым избавиться от псевдовопросов. При этом Нил отмечает, что даже если бы высказывание можно было верифицировать, сам процесс верификации не был бы частью его значения.

Нила, как и Вайсмана, не устраивает эвиденциалистская трактовка верификационизма Маккиннона [1, p. 102]. Он считает, что эвиденциализм — «это лишь теория о содержании высказываний, которые считаются обоснованными эмпирически, и ее следует понимать именно так, а не как теорию или принцип верификации» [1, p. 153—154]. Вот почему важно отличать верификацию высказывания от его обоснования (*justification*). Верификация — это процесс проверки истинности уже сформулированного высказывания. Однако на самом деле многие высказывания обосновываются эмпирически не в процессе проверки, а просто в ходе наблюдения, без предварительного вопроса. То есть процесс познания включает не только сознательную верификацию, но и пассивное усвоение знаний. В частности, «интроспекция показывает, что значительную часть эмпирических знаний мы приобретаем без каких-либо сознательных усилий» [1, p. 154].

Маккиннон, напротив, утверждает, что разные эмпирические высказывания обосновываются опытом по-разному. Он подчеркивает, что обоснование — это сложный процесс, поскольку у нас нет заранее данных фактов, которым высказывания могли бы напрямую соответствовать. Нельзя просто указать на установленный факт и тем самым подтвердить истинность высказывания — факты нужно сначала обнаружить эмпирически [см. подробнее: 10, p. 31—45]. Нил, однако, сомневается в том, действительно ли подобное понимание опыта и фактов имеет отношение к верификации. Даже обращение Маккиннона к априорному знанию, по всей видимости, не спасает его концепцию обоснования эмпирических высказываний через опыт. Ведь, по Маккиннону, априорное знание — это знание форм, которые должны определять структуру фактов. Но возможно ли такое знание? И связано ли оно с процессом понимания? Нил дает отрицательный ответ. По его мнению, существуют высказывания, которые могут быть обоснованы эмпирически, без опоры на индукцию (например, высказывания с глаголом 'знать' [1, p. 158]).

Язык и логическая структура эмпирических высказываний. Особое внимание Нил уделяет синтаксической структуре эмпирических высказываний, исследуя, какие языковые ('сентенциальные') формы необходимы для выражения фактов и каким образом они связаны с процессом познания. Его анализ показывает, что стандартная логическая схема 'субъект—предикат', широко используемая в традиционной философии и логике, не является единственно возможной, хотя и играет важную роль в структурировании знаний [1, p. 159]. Есть и другие формы выражения фактов.

Нил отмечает, что язык допускает высказывания, которые не соответствуют этой двухэлементной структуре. Например, односоставные предложения, вроде 'Пожар!' или 'Внимание!', содержат имплицитную информацию о ситуации, не выражая при этом субъект и предикат. Они представляют собой полноценные эмпирические высказывания, поскольку передают сведения о мире, даже если в них явно не указаны объекты или свойства. Однако,

Таблица 1

Взгляды Нила и Маккиннона на вопросы верификации

	Уильям Нил	Дональд Маккиннон
Что такое верификация?	Проверка истинности высказываний, но не единственный способ познания.	Процесс, встроенный в когнитивные структуры, делающий познание возможным.
Возможно ли познание без верификации?	Да, знание может возникать без сознательного акта верификации.	Нет, даже простое восприятие уже встроено в процесс верификации.
Нужно ли априорное знание?	Нет, оно не необходимо для эмпирического познания.	Да, оно структурирует сам процесс познания.
Как связаны смысл и верификация?	Верификация не определяет смысл высказываний.	Верификация и смысл связаны, но через познавательные структуры.

по мнению Нила, сама возможность осмысленного выражения фактов требует способности приписывать объектам свойства и устанавливать между ними отношения. И даже если высказывание на первый взгляд кажется не обладающим субъектно-предикатной структурой, его интерпретация все равно предполагает неявную атрибуцию, — к примеру, высказывание 'Пожар!' подразумевает, что где-то есть огонь, который распространяется и представляет угрозу [1, p. 162].

Вопрос о том, каким образом подобные синтаксические формы связаны с осмысленностью высказываний, отчасти перекликается с позицией Маккиннона, стремившегося выявить *общие условия*, которые удовлетворялись бы всякий раз, когда высказывание обосновывается при помощи опыта. Однако в своих рассуждениях он рассматривает лишь *специальные условия*, зависящие от лингвистической терминологии, например, различие между высказываниями в терминах материальных объектов и чувственных данных. И хотя сами эти различия представляет интерес, они не могут быть приняты за универсальные основания обоснования эмпирических высказываний. Нил в своих возражениях Маккиннону указывает, что настоящим кандидатом на роль общего условия могла бы быть 'сентенциальная форма', присутствующая в любой терминологии, используемой для выражения эмпирических фактов. Такой формой, по его мнению, является (явная или неявная) субъектно-предикатная структура, поскольку она неизбежно присутствует в повествовательных предложениях [1, p. 159].

Но даже если принять это условие как базовое, придется признать, что оно не охватывает все возможные формы выражения эмпирических высказываний. Субъектно-предикатная структура характерна прежде всего для атрибутивных суждения, но не для реляционных, которые могут требовать иной логической формы. Таким образом, Нил показывает, что язык предоставляет разные способы выражения эмпирических фактов, и осмысленность высказываний не всегда зависит от их формальной структуры. Из чего он делает вывод, что верификация эмпирических высказываний не может опираться только на их грамматическую форму, а должна учитывать контекст, прагматику и когнитивные механизмы интерпретации.

Заключение. Различие взглядов Нила и Маккиннона, представленных на симпозиуме 1945 года, удобно выразить в виде таблицы (табл. 1).

Из этого сравнительного анализа видно, что Нил рассматривает верификацию как частный случай проверки знаний, утверждая, что знание может существовать и без нее. Для Маккиннона верификация — это фундаментальный процесс, встроенный в саму когнитивную структуру восприятия и мышления [6, с. 49]. В этом смысле Нил — даже больший критик логического позитивизма, чем Маккиннон, который выступает скорее в роли его реформатора, пытающегося встроить верификацию в более глубокий эпистемологический процесс. Нил, в отличие от Вайсмана, критически оценивает идею, что значение высказывания есть способ его верификации и рассматривает верификацию не как абсолютный критерий осмысленности высказываний, а как один из способов обоснования знания. Он подчеркивает, что знание не всегда формируется через сознательную проверку, но может возникнуть через обыденный опыт. Его подход близок к прагматической традиции, поскольку он оценивает верификацию с точки зрения ее функциональности в процессе познания, а не как жесткий логический принцип. Для него обоснование знаний — это гибкий и контекстуально зависимый процесс, а не строгая проверка по жестким критериям верификации.

И хотя участники симпозиума не пришли к единому мнению, их дискуссия стала важной вехой на пути развития аналитической философии[3]. Она продемонстрировала, что верификация не может рассматриваться исключительно как формальный критерий осмысленности, а требует более сложного понимания процесса обоснования знаний и его связи с логической структурой языка.

Примечания

[1] Есть несколько версий верификационизма, развиваемого Венским кружком. В качестве основных, Т. Юбель предлагает рассматривать три пары, выраженные следующими дистинкциями [4, p. 2]: (1) верификационизм, понимаемый как теория значения эмпирических высказываний, versus верификационизм как критерий осмысленности эмпирических высказываний и их эмпирическое значение; (2) верификационизм, требующий фактического применения верификации, versus верификационизм, допускающий потенциальную применимость верификации; (3) верификационизм, требующий полной и окончательной верификации, versus верификационизм, допускающий менее полную и окончательную верификацию. Участники симпозиума 1945 года обсуждали вопросы, соответствующие первой паре из классификации Юбеля.

[2] Основные проблемы верификации, по мнению Вайсмана, заключаются в том, что эмпирическое высказывание невозможно окончательно верифицировать по двум причинам: во-первых, из-за неполноты описания материального объекта и, во-вторых, из-за открытой текстуры используемых в нем понятий [7, с. 112].

[3] После симпозиума 1945 года Нил продолжил развивать свои идеи, связанные с верификацией, но уже в контексте философии логики и философии науки. В статье Natural Laws and Contrary-to-Fact Conditionals [11] он анализирует использование материальной импликации в объяснении контрафактических условных высказываний, критикуя подходы, основанные на универсальных материальных импликациях, и обсуждает их отношение к законам природы. В фундаментальной работе The Development of Logic [12], написанной в соавторстве с женой Мартой, основной акцент хоть и сделан на историческом развитии логических систем, тем не менее обсуждение вопросов, связанных с верификацией и обоснованием, тоже присутствует, особенно в контексте анализа логических парадоксов и семантических концепций.

Список источников

1. MacKinnon D., Waismann F., Kneale W. Symposium: verifiability // Aristotelian Society Supplementary Volume. 1945. Vol. 19, № 1. P. 101—164. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/19.1.101.

2. Нехаев А. В. Альфред Джулис Айер: язык, логика и этика // Аристотелевское общество: 140 лет философских диалогов: моногр. / под ред. А. Б. Дидикина. Москва: Проспект, 2021. С. 146—182.

3. Misak C. J. Verificationism: its history and prospects. London: Routledge, 1995. 254 p.

4. Uebel T. Verificationism and (some of) its discontents // Journal for the History of Analytical Philosophy. 2019. Vol. 7, № 4. P. 1—31. DOI: 10.15173/jhap.v7i4.3535.

5. Оглезнев В. В. Историко-философская реконструкция обсуждения верифицируемости на заседании Аристотелевского общества // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60, № 2. С. 206—223. DOI: 10.5840/eps202360233. EDN: WYUGYC.

6. Оглезнев В. В. Метафизика факта Дональда Маккиннона и проблемы верификационизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 44—54. DOI: 10.17223/1998863X/73/4. EDN: JFLWSU.

7. Оглезнев В. В. «Открытая текстура» эмпирических понятий и лингвистический антиредукционизм Фридриха Вайсмана // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 3. С. 110—122. DOI: 10.5840/eps201956353. EDN: SFPLEO.

8. Вайсман Ф. Многоуровневая структура языка / пер. с англ. В. В. Оглезнева, В. А. Суровцева // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 4. С. 219—230. DOI: 10.5840/eps201855478. EDN: YVKCVF.

9. Waismann F. Language Strata // Logic and Language. Oxford: Basil Blackwell, 1961. P. 11—31.

10. MacKinnon D. The problem of Metaphysics. Cambridge University Press, 1974. 180 p.

11. Kneale W. Natural laws and contrary-to-fact conditionals // Analysis. 1950. Vol. 10, № 6. P. 121—125. DOI: 10.1093/analys/10.6.121.

12. Kneale W., Kneale M. The development of logic. Oxford: Clarendon Press, 1962. 792 p.

ОГЛЕЗНЕВ Виталий Васильевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск; ведущий научный сотрудник Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск.
SPIN-код: 3701-0936
AuthorID (РИНЦ): 539601
ORCID: 0000-0003-0287-6543
AuthorID (SCOPUS): 56307954100
ResearcherID: X-2616-2019
Адрес для переписки: ogleznev82@mail.ru

Для цитирования

Оглезнев В. В. Эпистемологический прагматизм Уильяма Нила как альтернатива строгому верификационизму // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 2. С. 88—93. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-88-93. EDN: ZENHVI.

Статья поступила в редакцию 24.02.2025 г.

© В. В. Оглезнев

UDC 1(091)
DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-88-93
EDN: ZENHVI

V. V. OGLEZNEV

Tomsk State University,
Tomsk, Russia

EPISTEMOLOGICAL PRAGMATISM OF WILLIAM KNEALE AS AN ALTERNATIVE TO STRICT VERIFICATIONISM

This article presents William Kneale's epistemological pragmatism as an alternative to strict verificationism discussed at the 1945 symposium of the Aristotelian Society. The focus is on his critique of the traditional verificationist criterion of the Vienna Circle and his argument for knowledge as a flexible rather than strictly empirical process. Kneale challenges the view that the meaningfulness of statements is determined by their verifiability and demonstrates that knowledge can exist without explicit hypothesis testing. Unlike Friedrich Waismann, who sought to modernize verificationism, Kneale highlights its limitations. He also disputes Donald MacKinnon's position, which linked verification to a priori knowledge and the universal subject-predicate structure of language. The analysis of these opposing views shows that the 1945 symposium was a significant milestone in analytic philosophy, anticipating contemporary discussions on meaningfulness, knowledge justification, and the limits of empirical verification.

Keywords: verification, criteria of meaningfulness, empirical statements, knowledge justification, perception, statement structure.

References

1. MacKinnon D., Waismann F., Kneale W. Symposium: verifiability. *Aristotelian Society Supplementary Volume.* 1945. Vol. 19, no. 1. P. 101–164. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/19.1.101. (In Engl.).

2. Nekhaev A. V. Al'fred Dzhulis AyYer: yazyk, logika i etika [Alfred Jules Ayer: language, logic, and ethics] // Aristotelevskoye obshchestvo: 140 let filosofskikh dialogov [Aristotelian Society: 140 years of philosophical dialogue] / Ed. A. B. Didikin. Moscow, 2021. P. 146–182. (In Russ.).

3. Misak C. J. Verificationism: its history and prospects. London: Routledge, 1995. 254 p. (In Engl.).

4. Uebel T. Verificationism and (some of) its discontents. *Journal for the History of Analytical Philosophy.* 2019. Vol. 7, no. 4. P. 1–31. DOI: 10.15173/jhap.v7i4.3535. (In Engl.).

5. Ogleznev V. V. Istoriko-filosofskaya rekonstruktsiya obsuzhdeniya verifitsiruyemosti na zasedanii Aristotelevskogo obshchestva [Historical and philosophical reconstruction of the discussion on verifiability at the meeting of the Aristotelian society]. Epistemologiya i filosofiya nauki. *Epistemology & Philosophy of Science.* 2023. Vol. 60, no. 2. P. 206–223. DOI: 10.5840/eps202360233. EDN: WYUGYC. (In Russ.).

6. Ogleznev V. V. Metafizika fakta Donal'da Makkinnona i problemy verifikatsionizma [Donald MacKinnon's methaphysics of fact and problems of verificationism]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 2023. No. 73. P. 44–54. DOI: 10.17223/1998863X/73/4. EDN: JFLWSU. (In Russ.).

7. Ogleznev V. V. «Otkrytaya tekstura» empiricheskikh ponyatiy i lingvisticheskiy antireduktsionizm Fridrikha Vaysmana [Friedrich Waismann's «Open texture» of empirical concepts and linguistic antireductionism]. *Epistemologiya i filosofiya nauki. Epistemology & Philosophy of Science.* 2019. Vol. 56, no. 3. P. 110–122. DOI: 10.5840/eps201956353. EDN: SFPLEO. (In Russ.).

8. Waismann F. Mnogourovnevaya struktura yazyka [The many-level-structure of language] / trans. from Engl. V. V. Ogleznev, V. A. Surovtsev. *Epistemologiya i filosofiya nauki. Epistemology & Philosophy of Science.* 2018. Vol. 55, no. 4. P. 219–230. DOI: 10.5840/eps201855478. EDN: YVKCVF. (In Russ.).

9. Waismann F. Language Strata // Logic and Language. Oxford: Basil Blackwell, 1961. P. 11–31. (In Engl.).

10. MacKinnon D. The problem of Metaphysics. Cambridge University Press, 1974. 180 p. (In Engl.).

11. Kneale W. Natural laws and contrary-to-fact conditionals. *Analysis.* 1950. Vol. 10, no. 6. P. 121–125. DOI: 10.1093/analys/10.6.121. (In Engl.).

12. Kneale W., Kneale M. The development of logic. Oxford: Clarendon Press, 1962. 792 p. (In Engl.).

OGLEZNEV Vitaliy Vasilyevich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the History of Philosophy and Logic Department, Tomsk State University, Tomsk; Leading Researcher, Gorno-Altaisk State University, Gorno-Altaisk.
SPIN-code: 3701-0936
AuthorID (RSCI): 539601
ORCID: 0000-0003-0287-6543
AuthorID (SCOPUS): 56307954100
ResearcherID: X-2616-2019
Correspondence address: ogleznev82@mail.ru

For citations

Ogleznev V. V. Epistemological pragmatism of William Kneale as an alternative to strict verificationism. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2025. Vol. 10, no. 2. P. 88–93. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-88-93. EDN: ZENHVI.

Received February 24, 2025.
© V. V. Ogleznev